

ОГЛАВЛЕНИЕ

Массовая литература XX века в условиях индустриального общества	5
«Переходные эпохи» и феномен массовой литературы	26
Ранняя проза А.П. Чехова в контексте литературной иерархии рубежа XX–XXI веков	50
Пути развития массовой литературы начала XX века: от Ната Пинкертона к А. Вербицкой, М. Арцыбашеву и др.	61
«Красный Пинкерто́н» и развитие авантюрного романа 1920-х годов	85
Тема путешествия в авантюрном романе 1920-х годов....	106
Мистификация и пародия в авантюрном романе 1920-х годов	112
Авантюрный роман 1920-х годов и газета	117
Кинематографичность авантюрного романа 1920-х годов	122
Беллетристика как «срединное» поле литературы	140
Путь от авантюрного романа к беллетристике как стратегия развития творчества писателей	141
Феномен женской беллетристики	156
«Мидл-литература» в контексте современного литературного процесса	171
Проект Б. Акунина «Жанры» как этап в развитии современной беллетристики	190
Поэтика современной отечественной массовой литературы	204
Массовый писатель и массовый читатель в условиях новой социокультурной ситуации	204
Образ читателя как организующая доминанта массовой литературы	214
Категория «автора» в массовой литературе	230
Женский детектив: творчество А. Марининой и векторы развития жанра	259

Поэтика повседневности современной массовой литературы..	284
Типологические черты любовного романа рубежа XX–XXI веков	307
Трансформация классического художественного текста как феномен современной массовой литературы	335
Поэтика заглавия в массовой литературе	369
Лексико-стилистическое своеобразие современной массовой литературы	386
Заключение	397
Библиография	411

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Существенные изменения, произошедшие в культурном пространстве России в конце XX в, естественно, затронули и литературный процесс. Трансформации обнаруживаются в разных сферах литературного пространства; изменились качественные и количественные соотношения произведений разных жанров.

В конце 1990-х гг. произошли очевидная маргинализация и коммерциализация отдельных слоев культуры; литература стала превращаться в один из каналов массовой коммуникации, что ярко проявляется в современной литературной практике. Эпоха релятивизма предполагает множество равноправных подходов к действительности. В связи с этим обращение к проблемам массовой литературы становится особенно актуальным и необходимым. Массовая литература, будучи одним из самых заметных проявлений современной культуры, остается теоретически малоосмысленным феноменом.

Сложные процессы, характеризующие современное состояние массовой литературы, могут быть исследованы лишь на фоне литературной жизни предшествующих десятилетий XX в.

Термин *«массовая литература»* достаточно условен и обозначает не столько широту распространения того или иного издания¹, сколько определенную жанровую парадигму, в которую входят детектив, фантастика, фэнтези, мелодрама и др. В западном литературоведении применительно к подобной литературе используются термины *«тривиальная»*, *«формульная»*, *«паралитература»*, *«популярная литература»* [Менцель, 1999; Дубин, 2001].

¹ Нередко термин «массовая литература» привязывается только к росту массового книгоиздательства: «*Массовым* следует назвать любое произведение, возникшее в постгутенберговскую эпоху и бытующее в условиях современного технического прогресса» (см.: Белокурова С.П., Друговейко С.В. Русская литература. Конец XX века. — СПб., 2001. С. 239).

Коммерциализация писательской деятельности и ее вовлечение в рыночные отношения, увеличение количества читателей, связанное как с мощным развитием книгоиздания и книжной торговли, так и с повышением образовательного уровня, стали предпосылками становления массовой литературы. С 1895 г., когда сложились и отработались новые массовые формы книгораспространения и книгоиздания, в США журнал «Букмэн» стал печатать списки бестселлеров. Сегодня слово **«бестселлер»** (от англ. *Bestseller* — «хорошо продающаяся» книга), утратив помету *«ЭКОНОМ.»*, приобрело иную стилистическую окраску, и обозначает занимательную, успешную, модную книгу. Разделение литературы на массовую и элитарную связано прежде всего с качественно новым существованием литературы в условиях индустриального общества и с концом существования письменности в закрытых салонах и академических кружках.

Массовая литература выступает как достаточно универсальный термин, возникший в результате размежевания художественной литературы по ее эстетическому качеству и обозначающий нижний ярус литературы, включающий в себя произведения, которые не входят в официальную литературную иерархию своего времени и остаются чуждыми «господствующей литературной теории эпохи» [Рейтблат, 1992: 6].

Диапазон проблематики принципиально меняет видение литературы, а соответственно и структурное рассмотрение любых литературных фактов, равно как и артефактов культуры. «Категории поэтики заведомо подвижны: от периода к периоду и от литературы к литературе они меняют свой облик, смысл, вступают в новые связи и отношения, складываются в особые и отличные друг о друга системы. Характер каждой такой системы обусловлен литературным сознанием эпохи. <...> Художественное сознание эпохи претворяется в ее поэтике, а смена типов художественного сознания обуславливает главные линии и направления исторического движения», — отмечают современные ученые [Аверинцев и др., 1994: 78].

«Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю, иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных» — эти слова, звучащие современно в конце XX в., были сказаны А.С. Пушкиным 150 с лишним лет назад [Пушкин, 1978: 309].

Сегодня очевидно, что внимание к произведениям «второго ряда» не только расширяет культурный горизонт, но радикально меняет оптику, ведь разнообразие массовой культуры — это разнообразие типов социальности. Проблема массовой литературы включается в широкий контекст социологии культуры, и социологии литературы в частности.

Многоуровневость литературного процесса — факт, признанный современным литературоведением. Очевидно, что картина истории литературы XX в. будет действительно полной лишь тогда, когда она отразит и литературный поток, часто просто игнорируемый, называемый паралитературой, литературой массовой, третьесортной, недостойной внимания и анализа. В 1924 г. В.М. Жирмунский отмечал, что «вопросы литературной традиции требуют широкого изучения массовой литературы эпохи» [Жирмунский, 1977].

В 1920-е гг. не только в работах формалистов рассматривались социальные предпосылки становления литературы: заслуживают внимания новаторские в этом отношении работы А. Белецкого, А. Рубакина и др. В советском литературоведении, когда, по меткому определению А. Белинкова, «исследование реальной истории художественной литературы уступило место обстоятельному описанию хороших книг, <...> наука о литературе превратилась в “Жизнь замечательных людей”, а из литературоведения ушел вопросительный знак» [Белинков, 2002: 509], социология литературы как дисциплина не разрабатывалась. Первые исследования появляются в начале 1990-х гг. [Гудков, Дубин, 1994; Добренко, 1997; Гудков, Дубин, Страда, 1998; Дубин, 2001; и др.].

Читатель, его кругозор, интересы, вкусы, ожидания составляют предмет социологии литературы¹. Социология литературы в современном ее понимании, безусловно, расходится и в целях, и задачах, и в предмете исследования с вульгарной социологией Г. Плеханова, А. Луначарского, В. Переверзева и др., анализировавших текст в зависимости от соответствия или несоответствия политическим задачам, выдвинутым партией, от «психоидеологии» эпохи. Задачей современной социологии литературы как неотъемлемой части литературоведения стало рассмотрение существования литературы в обществе в качестве специфического института, обладающего своей структурой и ресурсами (литературной культурой, канонами, традициями, авторитетами, нормами создания и интерпретации литературных явлений).

Лидер констанцской школы рецептивной эстетики Х.-Р. Яусс связывал изменения в интерпретации произведения со сменой его восприятия читателями, с разными структурами нормативных ожиданий. Применение методологии рецептивной эстетики к истории литературы как социокультурного института позволяет увидеть влияние экстралитературных факторов [Гудков, Дубин, Страда, 1998] на собственно литературную эволюцию. Работы, посвященные проблемам изучения читателя, делятся на две большие категории: с одной стороны те, что относятся к феноменологии индивидуального акта чтения (Р. Ингарден, В. Изер и др.), с другой стороны те, что заняты герменевтикой общественного отклика на текст (Г. Гадамер, Х.-Р. Яусс и др.). Рецептивный подход подводит современного исследова-

¹ Проблемное поле социологии литературы включает исследования социальной организации литературы: ролей писателя, критика, литературоведа и их культурно-исторического генезиса; стандартов вкуса у различных категорий читающей публики. Социология литературы систематически изучает складывание основных литературных канонов и динамику авторитетов (состав «образцовых» авторов—«классиков»), характер восприятия новых произведений и оценку наиболее популярных жанров, массовой поэтики, взаимосвязь литературных и идеологических конструкций (Дубин, 2003: 12).

теля к необходимости вычленения новых параметров жанровой идентификации, определения системы жанровых сигналов, ментальной доминанты, формирующейся в процессе читательского восприятия и определяющей новый «закон жанра» [Большакова, 2003].

В филологической науке давно сложилась традиция, согласно которой «высокие» сферы творчества персонифицировались и фиксировались, в то время как «низкие» воспринимались как некое не оформившееся, анонимное художественное пространство. Л. Гудков и Б. Дубин в глубоком и новаторском исследовании «Литература как социальный институт» пишут о вреде селекции литературного потока и удержания нормативного, иерархического структурированного состава культуры [Гудков, Дубин, 1994: 67].

«Взаимообусловленность эстетического и социального, многообразие потребностей, “обслуживаемых” литературным произведением как явлением, социальной речи, при таком подходе актуальны как никогда. А категории жанра, стиля, <...> традиционные оппозиции классического и авангардного, элитарного и массового должны предстать в новом освещении» [Бенедиктова, 2002: 16]. Нельзя не признать правоту слов социолога Л. Гудкова: «Согласитесь — все-таки это странная наука о литературе, которую не занимает 97% литературного потока, то, что называется “литературой” и что читает подавляющее большинство людей? Может, сведем всю биологию к бабочкам?» [Гудков, 1996].

Необходимость серьезного научного изучения отечественной массовой литературы пришла в середине 1990-х гг. и была обусловлена резким изменением структуры книжного рынка. «Происходит своего рода эмансипация читателя, освобождение его от диктата прежней литературоцентристской идеологии и давления стандартов “высокого вкуса”, а следовательно, — расширение и утверждение семантической роли литературы. Симптомом этого является процесс поворота литературной критики к переоценке и осмыслению феномена массовой литературы, хотя процесс этот сейчас находится в самом начале», — писала

в 1997 г. социолог Наталья Зоркая [Зоркая, 1997: 35]. Однако почти через десять лет ситуация практически не изменилась, массовая литература осталась в поле зрения лишь литературной критики и социологов литературы.

Методы исследования феномена массовой литературы неизбежно выходят за традиционные дисциплинарные границы. Такое расширение поля филологических исследований представляется чрезвычайно важным, поскольку изменения в современном литературном процессе в значительной степени обусловлены изменением круга чтения, унифицированностью запросов и вкусов массового потребителя, которые соответствуют фундаментальным основам массовой культуры. Не случайно Ю.М. Лотман настаивал на том, что понятие «массовой литературы» — «понятие социологическое. Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру» [Лотман, 1993: 231].

В.Г. Белинский, как известно, значительное внимание уделявший народной литературе и социокультурным механизмам успеха и признания, задавал иронический вопрос: «Иногда в целое столетие едва ли явится один гениальный писатель: неужели же из этого должно следовать, что иногда целое столетие общество должно быть совсем без литературы?» [Белинский, 1984: 31].

В середине XIX в. М.Е. Салтыков-Щедрин, размышляя о степени и природе популярности того или иного литературного произведения, писал: «Сочинения, представляющие в данную минуту живой интерес, сочинения, которых появление в свет было приветствовано общим шумом, постепенно забываются и сдаются в архив. Тем не менее игнорировать их не имеют права не только современники, но даже отдаленное потомство, потому что в этом случае литература составляет, так сказать, достоверный документ, на основании которого легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования» [Салтыков-Щедрин, 1966: 455].

Массовая литература возникает в обществе, имеющем уже традицию сложной «высокой» культуры и выделяется в качестве

самостоятельного явления, когда становится, во-первых, коммерческой и, во-вторых, профессиональной. А.А. Панченко совершенно справедливо писал: «Наши представления о «высокой» и «низкой», «тривиальной» и «оригинальной», «элитарной» и «массовой», «устной» и «письменной» литературе в большей степени детерминированы актуальными социокультурными приоритетами, нежели абстрактными критериями формы, эстетики и поэтики. Поэтому даже в рамках сравнительно короткого исторического периода можно наблюдать самые противоречивые мнения о тех или иных градациях «изысканной» и «не изысканной словесности» [Панченко, 2002: 391]. Зачастую те произведения, которые традиционно относились к низким жанрам, воспринимались позже как тексты, обладающие несомненными эстетическими достоинствами.

Актуальность обращения к массовой литературе определяется еще одним фактором, отмеченным Б. Дубиним: «Во второй половине 1990-х гг. главным человеком в России стал средний человек: высокие присели, низкие поднялись на цыпочки, все стало средними. Отсюда значительная роль «средней» литературы при изучении России 1990-х гг. (кстати, «средний» значит еще и опосредующий, промежуточный, связывающий)» [Дубин, 2004]. Действительно, массовая литература XX в. дает возможность оценить и ощутить огромные социальные изменения в российском обществе.

Новой чертой современной массовой культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и как следствие — единообразие мотивов, сюжетов, приемов. «Массовая культура как новейшая индустриальная модификация фольклора (отсюда ее клишированность, повторяемость элементов и структур) ориентируется уже не на язык конкретной национальной культуры, а на транснациональный код “маскультурных” знаков, опознаваемых и потребляемых в мире» [Зенкин, 2003: 157]. В одном культурном поле оказываются сегодня В. Пелевин и П. Коэльо, Б. Акунин и Х. Мурака-

ми, В. Сорокин и М. Павич, Д. Быков и Д. Браун. Массовая литература не только предоставляет читателю возможность выбора «своего» текста, но и в полной мере удовлетворяет страсть массового человека к подглядыванию, интерес к сплетням, байкам, анекдотам.

Феномен современной культуры, живущей в условиях «глобального супермаркета», связывается для американского исследователя Д. Сибрука с понятием «шума» — коллективным потоком сознания, в котором «смешаны политика и сплетни, искусство и порнография, добродетель и деньги, слава героев и известность убийц» [Сибрук, 2005: 9]. Этот «шум» способствует возникновению мощного культурного переживания, моменту, который Сибрук называет «ноубрау» (nobrow) — не высокой (highbrow), не низкой (lowbrow) и даже не средней (middlebrow) культуры, а существующей вообще вне иерархии вкуса [Сибрук, 2005: 19]. Действительно, понятие художественного вкуса становится существенным при определении феномена массовой культуры.

Массовая культура занимает промежуточное положение между обыденной культурой, осваиваемой человеком в процессе его социализации, и элитарной культурой, освоение которой требует определенного эстетического вкуса и образовательного уровня. Массовая литература выполняет функцию транслятора культурных символов от элитарной культуры к обыденному сознанию. Основная ее функция — упрощение и стандартизация передаваемой информации. Массовая литература оперирует предельно простой, отработанной предшествующей литературой техникой. «Она традиционна и консервативна, ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, поскольку обращена к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории» [Руднев, 1999: 156].

Массовая литература создается в соответствии с запросами читателя, нередко весьма далекого от магистральных направлений культуры, однако, ее активное присутствие в литературном процессе эпохи — знак социальных и культурных перемен. Постичь особенности массовой литературы, своеобразие ее жан-

ров и поэтики — значит не только определить сущность этого социокультурного феномена, выявить сложные взаимоотношения «большой» и «второразрядной» литературы, но и проникнуть во внутренний мир нашего современника.

Литературный процесс любой эпохи неизбежно предполагает конфликты и чередование старых и новых жанров; каноны, по которым живет основное направление литературы, могут изменяться со временем. При обсуждении вопроса о художественной и массовой литературе важно не ограничиваться только эстетической оценкой, но попытаться осмыслить литературный процесс с точки зрения динамики жанров и их взаимосвязи. Как правило, именно в период общественных потрясений размываются границы между жанрами, усиливается их взаимопроникновение и предпринимаются попытки реформировать старые жанры и создавать новые, чтобы придать свежее дыхание культуре в целом. В классической статье «Литературный факт» (1928) Ю. Тынянов писал: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление (это и есть явление “канонизации младших жанров”, о котором говорит В. Шкловский). Так стал бульварным авантюрный роман, так становится сейчас бульварною психологическая повесть» [Тынянов, 1977: 258].

Показательна, например, дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Знамя» «Современная литература: Ноев ковчег?» (1999). Один из вопросов, предложенных редакцией, звучал так: «Многоукладность в литературе — это знак общественно-культурного неблагополучия?» Несмотря на разнообразные, зачастую противоречивые точки зрения, участники дискуссии пришли к выводу, что «феномен потока» вывернул наизнанку вчерашние ценностные ориентиры, став социокультурной реальностью переходной эпохи рубежа XX–XXI вв.

Ю.М. Лотман определил роль массовой литературы в эпоху возникновения новой литературной системы, следовательно, и новой эстетической парадигмы в целом: «Размывание границ между высоким и низким, элитарным и массовым путем их

объединения в процессе восприятия — характерное выражение не только очередной смены эстетических парадигм, но и отличительных особенностей содержания происходящих изменений» [Лотман, 1993: 134].

Массовая литература — обязательная срединная составляющая любого культурно-исторического феномена, именно в ней находятся резервные средства для новаторских решений будущих эпох. Ярким примером реализации беллетристических установок, далеко перешагнувшим рамки массовой словесности, свидетельством «процесса размывания жанровых границ» становятся произведения В. Пелевина, А. Слаповского, А. Королева, М. Веллера, В. Токаревой и др. В них моделируются многослойные в семантическом плане повествования, насквозь пронизанные «литературностью», играющие на эффекте узнавания и конкретных текстов, и литературных традиций, и жанров массовой литературы.

Искусственная идеологическая система, какой долгие годы был соцреализм, лишила русскую литературу нормального развития. Ведь именно свободный диалог между массовой и элитарной литературами определяет здоровье культуры. «В XX веке Россия выпала из того необходимого круговорота культуры, который вынуждает массовое общество переводить фольклорную, почвенную культуру в масскульт. Отсюда, из уже ставшей универсальной, всемирной массовой культуры рождается штучный мастер, художник (точно так же, как из традиции появились Софоклы и Аристофаны). Он обживает и осваивает форму, созданную масскультом: форма получается народная, а содержание — авторское», — отмечает А. Генис [Генис, 1999: 78].

В советское время, часто вопреки соцреалистическому канону, развивалась беллетристика, представляющая собой некое «срединное» пространство литературы; в этой нише развивалось творчество В. Катаева, В. Каверина, Вс. Иванова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Пановой, К. Паустовского и многих других.

К концу 1970-х гг. тяга советского читателя к сюжетному роману, детективу и мелодраме вылилась в массовую сдачу макулатуры, на талоны за которую можно было купить сборники англ-

лийского и шведского детектива, романы А. Дюма, М. Дрюона, А. Кристи и др. Современный писатель Н.Крышук с досадой пишет об оторванности людей его поколения от развития мировой массовой литературы: «Почти вся жизнь прошла без фантастики, приключений и детективов. А жаль. Те, кто упивались подобной литературой в детстве, — счастливые люди. Детективы и приключения снимают на время головную боль вечных вопросов, делая вид, что занимаются с тобой гимнастикой ума и навыками мимолетной пронизательности и сострадания»[Крышук, 2001].

Лишь к 1990-м гг. начинает восстанавливаться утерянная в 1920-е гг. полифоничность отечественной культуры. Причем массовый читатель 1990-х шел тем же путем, что и читатель 1920-х гг., — от увлечения зарубежным детективом и западной мелодрамой к постепенному созданию отечественной массовой литературы, которая сегодня активно развивается и находит свое место в современном литературном процессе.

Ю.М. Лотман писал о том, что распределение внутри литературы сферы «высокого» и «низкого» и взаимное напряжение между этими областями делает литературу не только суммой текстов, но и единым текстом, целостным художественным дискурсом: *«В зависимости от исторических условий, от момента, который переживает данная литература в своем развитии, та или иная тенденция может брать верх. Однако уничтожить противоположную она не в силах: тогда остановилось бы литературное развитие, поскольку механизм его, в частности, состоит в напряжении между этими тенденциями»* (выделено мной — М.Ч.) [Лотман, 1993: 145]. Поэтому обращение к поэтике массовой литературы (при всей ее стереотипности и клишированности) представляется актуальным.

В массовой литературе существуют жесткие жанрово-тематические каноны, являющие собой формально-содержательные модели прозаических произведений, построенные по определенной сюжетной схеме и обладающих общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц и типов героев. Содержательно-композиционные стереотипы и эстетические шаблоны лежат в основе всех жанрово-тематических разновидностей

массовой литературы (детектив, триллер, боевик, мелодрама, фантастика, фэнтези, костюмно-исторический роман и др.), именно они формируют «жанровые ожидания» читателя и «серийность» издательских проектов.

Массовая литература, как правило, быстро теряет свою актуальность, выходит из моды, она не предназначена для перечитывания, хранения в домашних библиотеках. Не случайно уже в XIX в. детективы, приключенческие романы и мелодрамы называли «вагонной беллетристикой», «железнодорожным чтением», «одноразовой литературой». Приметой сегодняшнего дня стали развалы «подержанной» литературы.

Важная функция массовой литературы — создание такого культурного контекста, в котором любая художественная идея стереотипизируется, оказывается тривиальной по содержанию и способу потребления, отвечает подсознательным человеческим инстинктам, способствует компенсации неудовлетворенных желаний и комплексов, создает определенный тип эстетического восприятия, оказывающий влияние на восприятие серьезных явлений литературы в упрощенном, девальвированном виде.

Разнообразие массовой культуры — это разнообразие социального воображения, типов социальности, культурных средств их конституирования. Определение «массовая» не требует от автора создания шедевра: если литература «массовая», то к ней, к ее текстам можно относиться без особого почтения, как к ничьим, как бы безавторским. Эта посылка предполагает тиражируемость приемов и конструкций, простоту содержания и примитивность экспрессивных средств.

Изучение массовой литературы как одной из составляющих литературного процесса позволяет проследить динамику ее бытования в XX в., выделить периоды актуализации.

Для массовой литературы, в которой предсказуемость тем, поворотов сюжета и способов решения конфликта чрезвычайно высока, принципиально важным оказывается понятие «формулы» («сказка о Золушке», соблазнение, испытание верности, катастрофа, преступление и его расследование и т.п.), которое ввел в науч-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru